

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/hthbor>

Системно-антропологические характеристики мышления

Нелюбин Николай Иванович

Омский государственный педагогический университет, Россия, Омск

eLibrary Author SPIN: 3111-6187

<https://orcid.org/0000-0001-5257-7467>

Scopus Author ID: 57216981850

nelubin2001@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрываются системно-антропологические характеристики мышления: многомерность, проективность, включенность в жизненные отношения, транстемпоральность, нелинейность. Эти характеристики, с одной стороны, являются неудобными феноменологическими аномалиями для воспроизводства исследовательских программ классической психологии мышления. С другой стороны, в условиях поступательной антропологизации психологического познания и усиления междисциплинарного дискурса они позволяют изучать мышление в более целостном человекообразном контексте и устанавливать новые концептуальные связи между психологией мышления и психологией человеческого бытия. Автор аргументирует положение, согласно которому мышление может быть осмыслено в психологии как многомерный и нелинейный акт, одновременно разворачивающийся в нескольких регистрах ментальности человека, захватывающий множество темпоральных, деятельностных и ноэтических планов его бытия. Представлено оригинальное описание проективной функции мышления, которая заключается в преодолении событийной неопределенности, построении смысловой разметки жизненного пространства, в продуцировании смысловых ориентировок в деятельностных и экзистенциальных измерениях жизненной среды. Включенность мышления в жизненные отношения человека обеспечивает целостность и транстемпоральную преемственность его жизненного мира. Раскрывается полифонический принцип протекания мыслительной динамики, в соответствии с которым в каждом моменте развития мысли обнаруживается диалектическое единство ее пространственно-временных и модальностных коррелятов.

Ключевые слова: мышление, мысль, транстемпоральность, жизненные отношения, жизненный мир, хронотоп

Цитирование: Нелюбин Н. И. Системно-антропологические характеристики мышления. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 5. С. 727–738. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-5-727-738>

Поступила в редакцию 11.04.2024. Принята после рецензирования 17.06.2024. Принята в печать 17.06.2024.

full article

Systemic and Anthropological Characteristics of Thinking

Nikolay I. Nelyubin

Omsk State Pedagogical University, Russia, Omsk

eLibrary Author SPIN: 3111-6187

<https://orcid.org/0000-0001-5257-7467>

Scopus Author ID: 57216981850

nelubin2001@yandex.ru

Abstract: The article describes such systemic anthropological characteristics of thinking as multidimensionality, projectivity, inclusion in life relationships, transtemporality, and nonlinearity. On the one hand, these characteristics are inconvenient phenomenological "anomalies" for the classical psychology of thinking. On the other hand, in the context of progressive anthropologization of psychological cognition and interdisciplinary discourse, they make it possible to study thinking in a more holistic and human context, as well as to establish new conceptual links between the psychology of thinking and the psychology of human existence. Thinking is a multidimensional

and nonlinear act that simultaneously unfolds in several registers of one's mentality, capturing a variety of temporal, active, and noetic aspects of one's being. The projective function of thinking consists in overcoming event uncertainty, building a semantic markup of living space, and producing semantic orientations in the activity and existential dimensions of the living environment. The fact that thinking is part of one's life relationships ensures the integrity and transtemporal continuity of one's life world. According to the polyphonic principle of mental dynamics, the dialectic unity of its spatial-temporal and modal correlations unfolds at each moment of thinking.

Keywords: thinking, thought, transtemporality, life relations, life world, chronotope

Citation: Nelyubin N. I. Systemic and Anthropological Characteristics of Thinking. *SibScript*, 2024, 26(5): 727–738. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-5-727-738>

Received 11 Apr 2024. Accepted after peer review 17 Jun 2024. Accepted for publication 17 Jun 2024.

Введение

Возрастающая антропологизация психологического познания способствует постижению многомерного человеческого бытия «в аспектах целостности, конкретности и изменчивости» [Гусельцева 2022: 139]. Вместе с тем она диктует необходимость пересмотра, казалось бы, давно устоявшихся в психологии категорий. Если расширить аналитический фокус до целостного человека, включенного в жизненный и исторический контекст бытия, то привычные, хрестоматийные свойства мышления окажутся недостаточными для построения более-менее полной антропологической картины этого процесса. Из нее выпадут те составляющие, которые позволяют вести разговор о темпоральном и экзистенциальном срезе мышления человека, те свойства мышления, которые определяют его включенность в значимые жизненные отношения. Мышление является не только средством реализации жизненных отношений и установления значимых связей человека с миром, оно само есть одна из форм бытийного отношения: в нем воедино «спаяны» мысль, поступок, аффект, мотив, что подчеркивалось выдающимися гуманитарными учеными (М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, В. П. Зинченко, А. А. Ухтомский, П. А. Флоренский и др.).

Обращение к философско-психологическим основаниям онтологического понимания мышления, к идеям В. В. Бибихина, В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского, П. А. Флоренского, М. Фуко, М. Хайдеггера, С. С. Хоружего, К. Ясперса позволяет сказать, что мышление всегда втянуто в орбиту существования человека, оно разыгрывается в онтологическом контексте его драматической судьбы. Вполне закономерно, что постижение антропологической сущности и полноты мышления должно вестись в этих онтологических границах. Тем не менее весь спектр подобных экзистенциально-антропологических

представлений о мышлении пока еще слабо интегрирован в психологический дискурс о нем. Возможно, это объясняется тем, что индуктивных теорий мышления, построенных на основе количественных измерений, в психологии гораздо больше, чем дедуктивных. Сам человек как живой, исторический, субстанциональный мыслитель в индуктивных теориях усечен до носителя и оператора когнитивных процессов, искусственно выведен за границы жизненного контекста мышления. Подобный прием связан с инерционно сохраняющимся культивированием номотетических установок в гуманитарном познании и удобен для организации количественных исследований мышления. Общепсихологические симптомы «позитивистского перенапряжения» [Юревич 2001] так или иначе распространяются и на психологию мышления. Возможно, этим и объясняется ситуация перманентного выхода (или «выплескивания») проблемного поля психологии мышления за границы ее предметного поля [Клочко 2008]. Широкий комплекс вопросов, противоречий, «белых пятен» психологии мышления не вписывается в привычные для нее предметные рубрики и требует включения в ее предметное поле таких исследуемых переменных, которые бы вбирали в себя всю онтологическую полноту антропологической ситуации мышления.

Признаки трансформации предметного поля психологии мышления были отмечены И. А. Васильевым: «Мышление человека начинает рассматриваться в интегральной психологической системе, что дает возможность поставить в центр исследований порождение системных сверхчувственных качеств предметов (значений, смыслов и ценностей) в многомерном мире человека. Таким образом, развивается "смысловая теория мышления", в которой ставятся вопросы о роли мышления в жизнедеятельности

и "жизнеосуществлении" человека» [Васильев 2018: 40–41]. В развитие этого замечания сделаем ряд концептуальных извлечений.

1. Контекст рассмотрения мышления расширяется до интегральной психологической системы, коей выступает целостно понятый человек.

2. Исследовательский фокус «смысловой теории мышления» смещается с ситуации *субъект мышления – экспериментальная задача* на ситуацию *человек – многомерный жизненный мир*.

3. Изменяется представление о масштабах регулятивных возможностей мышления. Если в период господства классических представлений о мышлении его регулятивные функции охватывают узкие временные рамки мыслительной активности, имеющей адаптивный или вынужденный характер, то с появлением неклассических и постнеклассических представлений о регулятивной роли мышления эти границы расширяются до жизнедеятельности и жизнотворчества в целом, не ограниченными рамками экспериментальной или приспособительной ситуации.

4. Намечается возврат к пониманию мышления как одного из модусов жизнеосуществления человека. Собственно, так проблема мышления первоначально и ставилась в античной философии [Адо 2005; Бибихин 2022; Фуко 2007], а затем и в новое время [Мамардашвили 1993]. В таком варианте она могла быть перенесена в психологию мышления, но в силу культа естественно-научных ориентиров познания на момент обособления психологии как самостоятельной науки этого не произошло. Потребовалось целое столетие, чтобы наметился возврат к такому пониманию мышления.

Те инструменты и теоретические оптики, которыми сегодня располагает системная антропологическая психология, на наш взгляд, в наибольшей мере подходят для построения более полной и целостной картины мышления. Системно-антропологический контекст рассмотрения мышления позволяет выйти за рамки унифицированного и безликого психического аппарата, функционирующего в адаптивно-отражательном режиме, в границах которого чаще всего рассматривается динамика мыслительных процессов. Организуя исследование мышления в этом теоретическом контексте, мы получаем возможность делать акцент на порождающем характере мыслительной активности и на вовлеченности человека в этот процесс на онтологическом уровне, мы начинаем понимать необходимость исследования темпоральных и хронотопических характеристик мышления

человека. Это те характеристики, которые ускользали от классических инструментов познания или вовсе замалчивались как неудобные феноменологические аномалии на пути воспроизводства исследовательских программ классической психологии. В данной работе мы сосредоточим внимание на ряде таких характеристик мышления, поскольку считаем, что они могут быть осмыслены с позиции системной антропологической психологии, и в ходе самого этого осмысления могут существенным образом дополнить ее понятийный аппарат и эпистемологический корпус.

Результаты

Многомерность мышления

Если мы допускаем многомерность ментального пространства человека, феноменологическую неоднородность его психической ткани (в силу чего мы можем мыслить живо, нелинейно, персонифицированно, творчески), то вполне закономерным шагом является и признание многомерности мышления, поскольку оно участвует в порождении и поддержании этого пространства. Непрерывное функционирование многомерного ментального пространства как своего рода феноменологического «закулисья» познавательного опыта человека [Fauconnier 1994], пространства возможных действий и событий [Гибсон 1988], определяющего доминанты смыслоконструирования, процессы отбора, сохранения, верификации релевантного для самого человека перцептивного и смыслового опыта, должно подкрепляться таким же многомерным и длящимся мышлением, а не дискретными и диссоциированными эпизодами мыслительной активности. Как бы тавтологично не звучал тезис *многомерное порождает многомерное*, он вполне справедлив для понимания отношений между мышлением и образом мира.

Поскольку ментальное пространство жизни является собой интегральный результат порождения человеком собственного мира [Клочко 2005], его пространственно-временного и ценностно-смыслового поля, то отсюда и основная функция мышления (с позиции его кардинального, стратегического значения) может быть понята как конституирование, верификация и фальсификация индивидуальных эпистемологических опор этого пространства или, словами В. Е. Клочко, его параметров порядка. Здесь важно понимать, что ментальное пространство – это не замкнутое «субъективное помещение», в границах которого блуждает мысль индивидуума. Это многомерное топологическое пространство мышления

человека или, как подчеркивал А. М. Пятигорский [Пятигорский 2004], пространство мышления, творимое его собственным путем, которое противопоставлено хаосу и рассеянию эмпирического, обыденного существования индивида (на что указывал и М. К. Мамардашвили [Мамардашвили 2019]).

Очень часто исследователь попадает в одну из ловушек одномерного взгляда на мышление, например, поддается обманчивой убедительности лингвистического редукционизма и принимает результат означивания мысли, ее лексическую оболочку за саму мысль. Происходит подмена изначального предмета, его замещение одномерным двойником, который, освобождаясь от остальных «феноменологических примесей», тем самым теряет и свой психологический состав, и связь с порождающим мысль человеком, с его жизненным миром. Конструирование, сборка формально-логических дефиниций без фиксации исходного противоречия и мотивационно-смысловой вовлеченности человека в подобную лингвистическую игру, имитирующую мышление, – весьма распространенное явление и в образовательной, и в научно-исследовательской практике. Такая вербальная симуляция мышления создает иллюзию опредмечивания мысли еще до самого момента актуализации состояния мысли. Другими словами, нарушается базовое условие инициации и осуществления опыта мышления. Нельзя начать мыслить, не разместившись онтологически в событии мышления, не осуществив особую «ноэтическую возгонку» мысли. Этим объясняется та обманчивая легкость разрешения разного рода квазимыслительных задач и противоречий. Это все равно, как игру буриме принять за подлинное поэтическое творчество. В обоих случаях из целостной динамики мыслительного акта выпадут важные звенья, связанные с инициацией мышления и исходной интенциональностью. Отсюда очень часто возникает ошибочное принятие за подлинное событие мышления всего того, что мышлению противопоставлено или является квазимыслительной активностью, посредством которой канализируются наивные и ригидные познавательные установки, эгоцентрические представления о мире [Мамардашвили 1993]

С системно-антропологической точки зрения неправомерно рассматривать мышление как сугубо когнитивный процесс. Думать, что действительная динамика мышления протекает в границах когнитивной сферы и не затрагивает актуальные переживания

и смыслы персониферы, значит закрывать дорогу к пониманию его жизненной значимости, игнорировать этические, эстетические и аксиологические планы мыслительной динамики. Для восстановления целостной картины мыслеосуществления в жизненном контексте необходимо иное понимание мышления – как многомерного акта, одновременно захватывающего множество темпоральных, деятельностных и ноэтических планов бытия человека. В своей феноменологической полноте оно предстает как многомерный акт, разворачивающийся одновременно в нескольких регистрах субъективности человека, поскольку целостная и живая мысль представляет собой интеграл смыслообраза, концепта, единиц моторного алфавита, интеллектуального чувства, интуитивного переживания.

В. С. Библер отмечал, что человек «мыслит подсознательно, интуитивно, в психологическом, мотивационном обрамлении, в мускульных, кинестетических движениях, в туманных образах... Только получив результат, оформляет логически (формально-логически, апостериори), приплетая новые (интуитивно, внелогически полученные) знания к имеющимся, к доказанным» [Библер 1991: 253]. В. П. Зинченко как никто другой понимал вездесущую и многоликую природу мысли: «Мы ведь постоянно сталкиваемся с тем, что мысль, независимо от ее истинности или ложности, проявляет себя то в слове, то в образе, то в действии, то в поступке, то во всем этом вместе и еще в чем-то неуловимом, таинственном, хотя, возможно, именно это неуловимое и есть самое существенное и интересное в мысли» [Зинченко 2002: 7]. Неуловимость и необъективируемость мысли – это те свойства, благодаря которым сохраняется интрига ее опредмечивания, исчерпания возможностей точного и аутентичного ее выражения.

Феноменологию проявлений мысли невозможно свести к какому-то одному конечному состоянию. Множественность ее феноменологических проекций предполагает взаимообратимость этих состояний. Мысль-образ, мысль-слово, мысль – практическое действие, мысль-поступок, мысль-аффект, мысль-ритм, мысль-интонация – все это могут быть взаимообразные и взаимообратимые состояния мысли внутри целостной динамики мышления. Если представить целостную динамику поэтического мышления или задачу по наложению слов или танцевальных па на музыку, то подобная взаимообратимость становится вполне понятной.

Проективность мышления

Принцип проективности в психологии можно противопоставить принципу пассивной рецепции, который был впервые подвергнут критике еще С. Л. Рубинштейном [Рубинштейн 1986]. А. А. Ухтомский дал созвучное описание конструктивно-антиципаторной деятельности сознания: «Образы и представления, строящиеся нашим сознанием, оказываются всегда гипотетическими законченностями кусков действительности, ...гипотетическими проектами действительности!» [Ухтомский 2002: 296]. Идея проективности в той или иной мере угадывается в экологической теории «отелесненного восприятия», разработанной Дж. Гибсоном [Гибсон 1988], в концепции художественного восприятия, предложенной И. А. Статкевич [Статкевич 2009]. В. Е. Ключко определил проективность как ключевое свойство преобразующего и порождающего взаимодействия человека со средой: «Человек проецирует в это окружение свое состояние, свои актуальные потребности и возможности, создавая неповторимую, динамичную "смысловую разметку" многомерного пространства жизни, обеспечивающего многомерность его бытия» [Ключко 2013: 109–110]. Эта «смысловая разметка» выступает в качестве онтологического наброска многомерного бытия человека, в качестве не только деятельности, но и экзистенциальной ориентировки в жизненной среде. Смысловая разметка жизненного пространства [Ключко 2005], ориентировочная основа деятельности [Гальперин 2017] – это одновременно и продукты мышления, и средства регуляции мыследеятельных отношений человека с миром.

Мышление проективно, поскольку посредством него так или иначе проецируются, «пробрасываются» возможности осмысленного и персонифицированного присутствия человека в мире. По замечанию В. В. Знакова, «Решая мыслительную задачу, субъект устремлен в возможное будущее: он ищет неизвестное, которого пока еще не знает, потому что оно для него из-за своей неопределенности не существует, но он надеется его открыть в будущем – на последующих стадиях мыслительного процесса» [Знаков 2022: 124]. С точки зрения И. Т. Касавина, мышление является процессом «интенционального проектирования» поступка [Касавин 2007], что вполне резонирует с представлениями М. М. Бахтина, В. В. Библихина, В. П. Зинченко о поступающем мышлении [Бахтин 1986; Библихин 2022; Зинченко 2002]. Если к этому замечанию добавить идеи П. Я. Гальперина, то можно

сказать, что мышление является процессом интенционального проектирования ориентировочной основы поступка. Его результатом является не только понятие о познаваемом объекте, но и культурно опосредованное намерение, проект осмысленного действия с этим объектом в культурно заданном жизненном контексте, ценностное отношение к нему. Отсюда следует, что и в содержании мысли, и в самом способе мышления в той или иной мере экспонирован способ бытия человека, включая его аксиологические и этические основания.

Чаще всего проективность мышления рассматривается в мотивационном ключе. Эта идея стала нащупываться еще во времена классических экспериментов гештальт-психологов, но более четкое оформление получила в процессе создания смысловой теории мышления. Мотивационная установка не только запускает, инициирует мыслительный поиск, но и включается (не всегда конструктивно) в процессы обнаружения познавательных противоречий, локализует границы мыслительного поиска. Мышление всегда приводится в движение не только мотивами, но и более сложными образованиями – аффективно-мотивационными состояниями человека, которые и придают мышлению динамический импульс и направленность (разумеется, если речь идет о свободной инициации мышления [Красноярцева 2009]). Этим отчасти объясняется опережающий характер интеллектуальных эмоций, которые всегда на шаг впереди по отношению к интеллектуальной рефлексии [Васильев и др. 1980]. Видеть в эмоциях лишь источник «порчи человеческого разума», как было принято во времена стоиков, значит не только лишить мысль динамической плодотворности, но еще и оторвать ее от непосредственно переживаемой связи человека с миром (от чего предостерегал Л. С. Выготский).

Включенность мышления в жизненные отношения человека, в акты его жизнетворчества

С позиции системной антропологической психологии мышление выступает как сущностная сила, позволяющая человеку создавать, усложнять и преобразовывать многомерное пространство жизни, создавать смысловые ориентировки в нем. Если мышление рассматривается как инструмент решения утилитарных задач, оно теряет свою жизненную значимость и онтологическую функцию, превращается в средство рационального обслуживания «недорода бытия»

(метафора С. С. Хоружего) или пустую интеллектуальную игру. В своем же полноценном, плодотворном варианте оно выступает как один из модусов жизне-творчества, которое, по выражению С. С. Хоружего, есть «специфическая модель построения личности и судьбы, когда творчество и жизнь взаимно обращены друг к другу, так что мир мысли и стихия чувств, действия и поступки и все, что вовлекается в орбиту существования, соединены и сплавлены воедино, в интеллектуальное и экзистенциальное целое» [Хоружий 2010: 245]. В какой-то мере это высказывание автора может быть взято за основу экзистенциально-антропологического манифеста постнеклассической психологии мышления. В акте жизнетворчества мысль, чувство, поступок образуют сложный синтетический сплав – экзистенциально-феноменологическую ткань бытийного мышления. Отсюда всякая попытка разложить и препарировать целостную человеческую мысль на отдельные элементы, отделить ее концептуальный состав от образно-смысловых и аффективно-мотивационных примесей может быть осуществлена только в рамках абстрактной схемы.

Чем шире контекст рассмотрения мышления, тем масштабнее и полнее понимание его роли в регуляции жизнедеятельности человека. Если оно изучается в контексте когнитивной сферы психики, то, как правило, редуцируется к операциональной вычислительности, к процессам переработки информации в ситуации решения экспериментально смоделированных противоречий. Для описания такой редуцированной картины мышления язык классической когнитивной психологии вполне пригоден. Но если возникает необходимость обратиться к экзистенциальной феноменологии мыслительного акта, то будет недостаточно всего терминологического аппарата и потребуются обращение к образному и поэтическому языку, что собственно и было предпринято В. П. Зинченко в первой части известной поснеклассической трилогии «Наука о мышлении» [Зинченко 2002]. Если мышление берется в контексте жизненного пространства человека, то наделяется функциями более масштабного порядка – обеспечивать целостность и транстемпоральную преемственность многомерного образа мира в ходе самостоятельного обнаружения и разрешения человеком значимых и долгоиграющих противоречий в собственном жизненном мире. Разрешение таких противоречий предполагает решение задач «на смысл», но в более масштабном жизненном контексте: «Решение задач

"на смысл", задач "на ценность" – таково основное предназначение мышления, если понимать его как проявление творчества, направленного на созидание себя или сохранение себя как целостности в случае глубинного расхождения между образом жизни и образом мира» [Клочко 2005: 155].

Для обретения такой способности человеку необходимо выходить за рамки внешней, ситуативной обусловленности мышления, реализовывать в нем наиболее генерализованные формы смысловых образований, включаться в мышление как в практику себя, иначе говоря, иметь смелость задаваться вопросами: *Кто я, окликнутый и влекомый этой возможностью мыслить?*; *Кто я, времяящий эту мысль?* Мысль, если воспользоваться формулой М. К. Мамардашвили, «идет по руслу жизненного смысла» [Мамардашвили 2019: 371]. Подобная рефлексивная практика является обязательным атрибутом экзистенциально-антропологической стороны мышления: «Рефлексия представляет собой акт возвращения к себе, посредством которого субъект заново постигает с интеллектуальной ясностью и моральной ответственностью объединяющий принцип тех операций, в которых он рассредоточивается и забывает о себе как субъекте» [Рикёр 1995: 78–79]. Рефлексивная фиксация объединяющего принципа всех событий мышления необходима для связывания ментального и персонологического опыта мыслящего человека, для предупреждения эффекта дискретизации (возникновения и угасания разрозненных эпизодов мыслительной активности), для их объединения в единый хронотоп ментально-личностного опыта.

Если несколько трансформировать ключевой вопрос М. Хайдеггера (*Что зовется мышлением?*), то можно его поставить следующим образом: *Кто зовется мышлением?* Это вопрос о человеке как о собранном, целостном субъекте мышления, о возможности самотрансценденции и перерастании себя в мыслительных практиках, о становлении другим, превосходящим себя актуального, т. е. носителя ранее сложившихся способов мышления. Такая необходимость продиктована не только задачами совершенствования мыслительных практик и себя в них. Совладание со сложными жизненными обстоятельствами в условиях нарастающей неопределенности требует, по замечанию Е. Е. Сапоговой, «самостоятельного смыслового доопределения и / или переопределения» их образа, связанного с ними веера возможностей и рисков, преодоления привычных познавательных стратегий и парадигм [Сапогова 2022: 26].

Транстемпоральность мышления

Обычно в психологии мышления изучаются довольно дискретные, отграниченные во времени эпизоды мышления. Вопрос мотивационно-смысловой, предметно-тематической связанности этих эпизодов в психологии еще не ставился, хотя постнеклассический взгляд на мышление предполагает выявление таких сквозных, транстемпоральных характеристик мышления. Человек не только живет в симфонии времен [Лукьянов 2010], но и мыслит в этом транстемпоральном контексте. Возобновляя и достраивая незаконченную ранее мысль, он вместе с тем создает особый топос своего мышления, в котором сходятся прошлые, актуальные и грядущие концепты и смыслообразы, происходит непрерывная эйдетическая, смысловая, семантическая конденсация. Синхронизация временных локусов смысла и интеграция пространственно-временных измерений образа жизни являются условиями предотвращения кризиса идентичности человека [Майер и др. 2023], способствуют конструированию продуктивных сценариев развития личности в образовательном пространстве [Яницкий и др. 2019].

Важный штрих к построению темпоральной картины мышления можно сделать при помощи понятия *интрига*. П. Рикёр отмечает, что интрига – это «интеллигибельное единство, которое создает композицию обстоятельств, целей и средств, инициатив и невольных следствий» [Рикёр 1995: 63]. Безусловно, автор пишет об интриге в контексте повествовательной деятельности человека, но мы можем рассмотреть ее и как одно из условий продуктивного мышления. Сам автор подчеркивает, что только на интригообразовании, усиленном «живыми метафорами», зиждется творческая способность [Рикёр 1998]. Если адаптировать эту концепцию П. Рикёра применительно к пониманию исторического контекста мышления, то можно сказать, что интрига представляет собой базисное условие мыследеятельностного единства человека, она способствует сочетанию разнородных составляющих индивидуальной практики мышления, развернутой во времени, в интеллигибельную целостность. В этом плане интрига выступает как кумулятивно-мотивационный ресурс продуктивного, синтетического мышления, в котором преодолевается рассеянность его целостного субъекта на ряд эпизодических субъектов, мыслящих разрозненно, отдельно друг от друга, внутри дискретных ситуаций решения мыслительных задач. Другими словами, в каждом

развернутом во времени, целостном событии мышления должна быть интенционально-смысловая завязка – туго затянутый узел значимых для человека вопросов, намеков на возможные линии развития мысли.

К каждому актуальному эпизоду мышления, если брать во внимание его индивидуально-исторический контекст, «стягиваются» прошлые и потенциальные референты мысли, проявляющейся в нем. С позиции концепции транстемпоральной психологии можно сделать предположение, что существуют «темпоральные узлы» мышления, в которых происходит интерференция прошлых, настоящих и потенциальных актов мышления, а «решающее значение принадлежит их одновременности, согласованности» [Клочко и др. 2015: 16]. Тот факт, что человек творит и мыслит «в полноте времен» (метафора О. В. Лукьянова), видимо, интуитивно схватывался и П. А. Флоренским. Так, время для созидającego и мыслящего человека, не поглощенного житейским сознанием, становится «точкою полноты», вобравшею в себя все время» [Флоренский 2000b: 218]. Активное напряженное сознание, равно как и мышление, согласно автору, работает над «уплотнением пространства и времени» [Там же: 215], в силу чего разворачивается «внутреннее многообразие и ритм личности» [Там же: 217]. Возникает эффект сгущения, уплотнения феноменологической ткани мышления за счет включения в его состав таких концептуально-смысловых и эйдетических образований, которые в темпоральном плане соответствуют разным пространственно-временным контекстам мыслительной активности человека, но в плане тематическом являются составляющими продолжающейся серии мышления.

Это легче всего проиллюстрировать на примере возвращения писателя или ученого к незаконченному произведению или отсроченному оформлению эвристичной идеи, которая вбирает в себя промежуточные (незавершенные) результаты мыслительной деятельности, является точкой схождения нескольких линий мыслительного поиска, берущих свой исток в разных темпоральных измерениях. Когда убегающая, догоняющая и маячащая на горизонте мысль – это одна и та же мысль в своей пространственно-временной полноте, мысль, в которой получают свое одновременное разрешение множество напряженных возможностей мышления. Долгоиграющие темы и предметы мышления занимают автора длительное время. Они то уходят на периферию ментального опыта, то снова возвращаются в его фокус,

«каждый раз усиливаясь и обогащаясь, каждый раз наполняясь по-новому содержанием и соком жизни» [Флоренский 2000а: 37].

Развивая эти идеи, мы можем сказать, что в ментальном опыте человека присутствуют транстемпоральные смысловые доминанты, которые определяют тематические узлы в проблемном поля его мыслительных практик, обуславливают сензитивность человека к определенным проблемным вопросам, объединяют все его познавательные интенции в общее русло ментальной направленности. Другими словами, все значимые события мышления субъекта когитальной индивидуации стремятся к «транстемпоральному консонансу» [Лукиянов 2010], к такому смысловому контрапункту, в котором порождается многомерность жизненного мира человека, мыслящего в контексте индивидуальной историчности (открытой и незавершенной) [Нелюбин 2019].

Нелинейность мышления

Впервые на нелинейное строение мысленной ткани обратил внимание П. А. Флоренский. Согласно его взглядам, ментальное поле имеет сложное сетевое строение, в нем нет конечных точек завершенной, остановившейся мысли. Каждая мысль связана с релевантными ей смысловыми «узлами». Возникающий смысловой резонанс «очерчивает» многомерное поле мыслительного опыта или многомерное пространство мышления: «Строение такой мысленной ткани – не линейное, не цепью, а сетчатое, с бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно, так что из любой исходной точки этой сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, притом, в любой или почти любой последовательности, мы возвращаемся к ней же» [Флоренский 2000а: 35]. Представленная таким образом мыслительная ткань способствует преодолению иллюзии дискретности мыслительных актов, которые протекают внутри не сообщающихся временных интервалов ментального опыта человека, который рассматривается в конкретно-ситуативном контексте, вне трансперспективы собственного мышления.

Проводя параллели между нелинейной организацией личностного бытия и диалектической природой человеческой мысли, П. А. Флоренский писал: «Конкретная личность, этот типический субъект диалектики, не есть линейный ряд каких-либо душевных процессов, и внутренняя жизнь ее устроена вовсе не так, как бусы нанизаны на нить в ожерелье. Следовательно, и диалектическое развитие мысли

не может быть представлено простою одногласием мелодией раскрытий» [Флоренский 1996: 141]. Он указывает на полифонический принцип мыслительной динамики, по которому мысль не есть отдельное моноидеетическое, моносемантическое, моносмысловое психическое образование, в каждом моменте развития мысли обнаруживается диалектическое единство ее темпоральных и модальных коррелятов. Живость мысли, известная на уровне феноменологического опыта, обеспечена этим диалектическим единством ее состава: «Живая мысль по необходимости диалектична: в том-то и жизнь ее; мертвые же мысли или, точнее, замороженные мысли, мысли в состоянии анабиоза – недиалектичны, т. е. неподвижны, и могут быть расположены в виде учебника, как некая сумма определений и тезисов» [Там же: 138].

П. А. Флоренский описывал мышление как полифонический акт, разворачивающийся одновременно в разных регистрах многомерного смыслового поля сознания, в силу чего мыслительная активность человека может принимать форму рационального анализа, творческого наития, интуитивного озарения, моторной идеи, эмоционального отклика, чувства преднаходности решения. Это множество перекликающихся друг с другом, обратимых эквивалентов мысли имеет теснейшую связь с жизненными отношениями мыслящего человека, с его жизненным миром. Они сообщаются с ним как с необходимой питательной средой, в силу чего, по всей видимости, и возникает связывание, взаимопроникновение смысловых пространств мышления и существования: «Как шум отдаленного прибора, звучит автору его ритмическое единство» [Флоренский 2000а: 37]. Если развить это высказывание, то можно заключить, что множество резонирующих друг с другом феноменологических проекций единой ритмики мысли порождают особое состояние ментальной *синархии* (термин П. А. Флоренского). Это состояние соподчиняет, сонастраивает, аккумулирует разноуровневые, разномодальные эквиваленты мысли, актуализировавшиеся в том или ином регистре многомерного жизненного мира человека, включая его темпоральные регистры.

В свое время М. К. Мамардашвили высказал ряд замечаний, резонирующих с идеями П. А. Флоренского: «В действительности же акт мысли совершается в поле глобальных "связностей" сознания» [Мамардашвили 2014: 260]. В «Беседах о мышлении» он делал похожий концептуальный штрих к построению онтологической картины мышления: «Так вот, жизнь нашего сознания представляет собой целое, связанное изнутри некими

соответствиями или корреспонденциями, ...и все наши мысли, если они у нас есть, существуют в некотором поле» [Мамардашвили 2019: 370]. И далее он подчеркивает: «Мысли, рождаясь, корреспондируют, переключаются» [Там же: 371]. Понятно, что это поле имеет хронопический принцип организации, иначе будет невозможна переключка мыслей, произведенных в разных темпоральных отрезках индивидуальной истории мышления человека.

Л. С. Выготский, описывая динамику мысли, также указал на ее потенциальную включенность во все новые и новые отношения и связи: «всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то... Всякая мысль имеет движение, течение, развертывание» [Выготский 1982: 74]. В реальном процессе мышления всегда осуществляется обоюдный переход образа и мысли, слова и мысли, действия и мысли, аффекта и мысли. Динамическая плодотворность мысли проявляется в количестве тех переходов, которые она совершает, перемещаясь из одного плана сознания в другой. Каждая мысль получает развитие и содержательную завершенность в той мере, в какой она включается во все новые и новые смысловые связи с другими мыслями и их переходными формами (имевшими место в других временных срезах ментального опыта человека), питается их интенциональными и динамическими импульсами. Происходит своего рода «взаимоопыление мыслей» – взаимоусиление их плодотворности. В феноменологическое «тело» каждой мысли интегрированы смысловые следы предшествующих актов мышления и проекты преднаходимого смысла, который в данный момент не очевиден, не доступен и может опредметиться в потенциальных ситуациях мышления. Для достижения такого эффекта мыслящему человеку необходимо удерживать себя в напряженном «поле глобальных "связностей" сознания» [Мамардашвили 2014: 260].

Литература / References

- Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.: Степной ветер; СПб.: Коло, 2005. 448 с. [Hadot P. *Spiritual exercises and ancient philosophy*. Moscow: Stepnoi veter; St. Petersburg: Kolo, 2005, 448. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwkwmr>
- Бахтин М. М. К философии поступка. *Философия и социология науки и техники: ежегодник 1984–1985*, отв. ред. И. Т. Фролов. М.: Наука, 1986. С. 80–160. [Bakhtin M. M. *Toward a philosophy of the act. Philosophy and sociology of science and technology: Yearbook 1984–1985*, ed. Frolov I. T. Moscow: Nauka, 1986, 80–160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwtspt>
- Бибихин В. В. Узнай себя: курс лекций, прочитанный на философском факультете МГУ в 1989–1990 гг. М.: Директ-Медиа, 2022. 188 с. [Bibikhin V. V. *Get to know yourself: A course of lectures given at the Philosophy*

Заключение

Описанные в работе системно-антропологические характеристики мышления позволяют под новым углом рассматривать и изучать мышление – в более целостном человекообразном контексте, восполнять те недостающие концептуальные звенья, которые помогут соединить психологию мышления и психологию человеческого бытия. Неустраняемая обусловленность мышления экзистенциальной ситуацией человека – теми экзистенциальными данностями, заботами, дилеммами, в которые он вовлечен, требует пересмотра его атрибутивных характеристик. Хотя эти характеристики мышления фиксируются самим мыслящим человеком на уровне феноменологического опыта и подмечались ранее в философских концепциях, тем не менее они не артикулировались с необходимой ясностью и полнотой в психологическом дискурсе. В этом плане наша работа представляет собой хоть и рискованный, но вместе с тем необходимый прецедент включения данных характеристик мышления в эпистемологический контекст системной антропологической психологии, которая, как нам видится, обладает необходимой широтой охвата и хорошей защищенностью от «позитивистского перенапряжения». Считаем, что эти концептуальные новации не нарушат внутреннюю согласованность базовых теоретических положений системной антропологической психологии и органично встроится в ее эпистемологический корпус.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

- Department of Moscow State University in 1989–1990. Moscow: Direkt-Media, 2022, 188. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wyhalr>
- Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 412 с. [Bibler V. S. *From science to the logic of culture: Two philosophical introductions to the twenty-first century*. Moscow: Politizdat, 1991, 412. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmailb>
- Васильев И. А. Проблема отражения и порождения смыслов в мышлении человека. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 67. С. 27–43. [Vasilyev I. A. Reflection and the creation of meaning in human thinking. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (67): 27–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/67/3>
- Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М.: МГУ, 1980. 192 с. [Vasilyev I. A., Popluzhny V. L., Tikhomirov O. K. *Emotions and thinking*. Moscow: MSU, 1980, 192. (In Russ.)]
- Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с. [Vygotsky L. S. *Collected works. Vol. 2. Problems of general psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982, 504. (In Russ.)]
- Гальперин П. Я. Опыт изучения формирования умственных действий. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2017. № 4. С. 3–20. [Galperin P. Ya. Experience in studying the formation of mental actions. *Lomonosov Psychology Journal*, 2017, (4): 3–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/vsp.2017.04.03>
- Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с. [Gibson J. *The ecological approach to visual perception*. Moscow: Progress, 1988, 464. (In Russ.)]
- Гусельцева М. С. Психология личности и антропологический дискурс: в поисках новых подходов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2022. Т. 12. № 2. С. 132–149. [Guseltseva M. S. Personality psychology and anthropological discourse: In search of new approaches. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2022, 12(2): 132–149. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.203>
- Зинченко В. П. Наука о мышлении (часть 1). *Психологическая наука и образование*. 2002. Т. 7. № 1. С. 5–18. [Zinchenko V. P. The science of thinking: Part 1. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2002, 7(1): 5–18. (In Russ.)]
- Знаков В. В. Теоретические основания психологии возможного. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2022. Т. 12. № 2. С. 122–131. [Znakov V. V. Theoretical foundations of the psychology of the possible. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2022, 12(2): 122–131. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.202>
- Касавин И. Т. Смысл как проблема эпистемологии и науки. *Эпистемология и философия науки*. 2007. Т. 13. № 3. С. 5–16. [Kasavin I. T. Meaning as a problem of epistemology and science. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2007, 13(3): 5–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncrvbz>
- Клочко В. Е. Онтология смысла и смыслообразование (размышления в связи с юбилеем О. К. Тихомирова). *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2013. № 2. С. 106–120. [Klochko V. E. Ontology of sense and sense-formation (reflections on the anniversary of O. K. Tikhomirov). *Lomonosov Psychology Journal*, 2013, (2): 106–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qctpxj>
- Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с. [Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: Problems of emergence of the mental space of a person (introduction into the transpective analysis)*. Tomsk: TSU, 2005, 174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxpeuv>
- Клочко В. Е. Смысловая теория мышления в транспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2008. № 2. С. 87–101. [Klochko V. E. Personal meanings theory of thinking in the transpective of psychological knowledge formation: Epistemological analysis. *Lomonosov Psychology Journal*, 2008, (2): 87–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/msnnot>
- Клочко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат. *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 9–20. [Klochko V. E., Galazhinsky E. V., Krasnoryadtseva O. M., Lukyanov O. V. System anthropological psychology: Framework of categories. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015, (56): 9–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/56/2>
- Краснорядцева О. М. Чувствительность к проблемам как характеристика инновационного потенциала личности. *Сибирский психологический журнал*. 2009. № 33. С. 13–19. [Krasnoryadtseva O. M. Sensitivity to problems as description of innovative potential of a personality. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2009, (33): 13–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwakqb>

- Лукьянов О. В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2010. Т. 7. № 2. С. 46–63. [Lukyanov O. V. Time factor in the system of psychological interpretations. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 2010, 7 (2): 46–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoymtt>
- Майер С. В., Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые и темпоральные характеристики кризиса профессиональной идентичности в среднем возрасте. *Психология человека в образовании*. 2023. Т. 5. № 4. С. 594–606. [Mayer S. V., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Semantic and temporal characteristics of the crisis of professional identity in middle age. *Psychology in Education*, 2023, 5(4): 594–606. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-4-594-606>
- Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. СПб.: Азбука, 2019. 576 с. [Mamardashvili M. K. *Dialogues about thinking*. St. Petersburg: Azbuka, 2019, 576. (In Russ.)]
- Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1993. 352 с. [Mamardashvili M. K. *Cartesian reflections*. Moscow: Progress, 1993, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swuwrz>
- Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация: выступления и доклады. СПб.: Лениздат; Команда А, 2014. 384 с. [Mamardashvili M. K. *Consciousness and civilization: Speeches and reports*. St. Petersburg: Lenizdat; Komanda A, 2014, 384. (In Russ.)]
- Нелюбин Н. И. Прологомены к системно-антропологической теории мышления. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 1. С. 112–120. [Nelyubin N. I. Prolegomena to the system-anthropological theory of thinking. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 112–120. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-112-120>
- Пятигорский А. М. Непрерываемый разговор. СПб.: Азбука-Классика, 2004. 432 с. [Piatigorsky A. M. *Incessant conversation*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2004, 432. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwhdsx>
- Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.-СПб.: Унив. кн., 1998. 313 с. [Ricoeur P. *Time and the story. Vol. 1. Intrigue and historical narrative*. Moscow-St. Petersburg: Univ. kn., 1998, 313 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sndsah>
- Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: KAMI, 1995. 159 с. [Ricoeur P. *Hermeneutics. Ethics. Politics*. Moscow: KAMI, 1995, 159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/szriav>
- Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности. *Вопросы психологии*. 1986. № 4. С. 101–108. [Rubinstein S. L. The principle of creative initiative. *Voprosy Psikhologii*, 1986, (4): 101–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ystapgr>
- Сапогова Е. Е. «Текущий субъект»: Трансгрессия, экзистенциальные ценности, идентичность в условиях неопределенности. *Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт*, отв. ред. Т. А. Попова, Г. А. Вайзер. М.: ПИ РАО, 2022. С. 24–32. [Sapogova E. E. "Fluid subject": Transgression, existential values, identity under uncertainty. *Meaning-making and its contexts: Life, structure, culture, and experience*, eds. Popova T. A., Vaizer G. A. Moscow: PI RAE, 2022, 24–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/cl-36922-2022-1-24-32>
- Статкевич И. А. Философский анализ проективного компонента художественного восприятия. *Гуманизация образования*. 2009. № 6. С. 12–16. [Statkevich I. A. Philosophical analysis of project component art perception. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, 2009, (6): 12–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyrajj>
- Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с. [Ukhtomskii A. A. *Dominant*. St. Petersburg: Piter, 2002, 448. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zwkcrj>
- Флоренский П. А. Сочинения. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 877 с. [Florensky P. A. *Works*. Moscow: Mysl, 1996, vol. 2, 877. (In Russ.)]
- Флоренский П. А. Сочинения. М.: Мысль, 2000а. Т. 3(1). 621 с. [Florensky P. A. *Works*. Moscow: Mysl, 2000a, vol. 3(1), 621. (In Russ.)]
- Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000b. 446 с. [Florensky P. A. *Articles and research in history and philosophy of art and archaeology*. Moscow: Mysl, 2000b, 446. (In Russ.)]
- Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с. [Foucault M. *The hermeneutics of the subject: Lectures at the College de France, 1981–82*. St. Petersburg: Nauka, 2007, 677. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwqsxj>

- Хоружий С. С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с. [Khoruzhy S. S. *Diogenes' lantern: A critical retrospective of European anthropology*. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History, 2010, 688. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwwvpn>
- Юревич А. В. Методологический либерализм в психологии. *Вопросы психологии*. 2001. № 5. С. 3–19. [Yurevich A. V. Methodological liberalism in psychology. *Voprosy Psikhologii*. 2001, (5): 3–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbevnr>
- Яницкий М. С., Серый А. В., Балабашчук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира студентов вуза. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2019. № 2. С. 851–859. [Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Balabashchuk R. O. Chronotopical features of the university students's image of the world. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. 2019, (2): 851–859. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-106>
- Fauconnier G. *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, 190. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511624582>